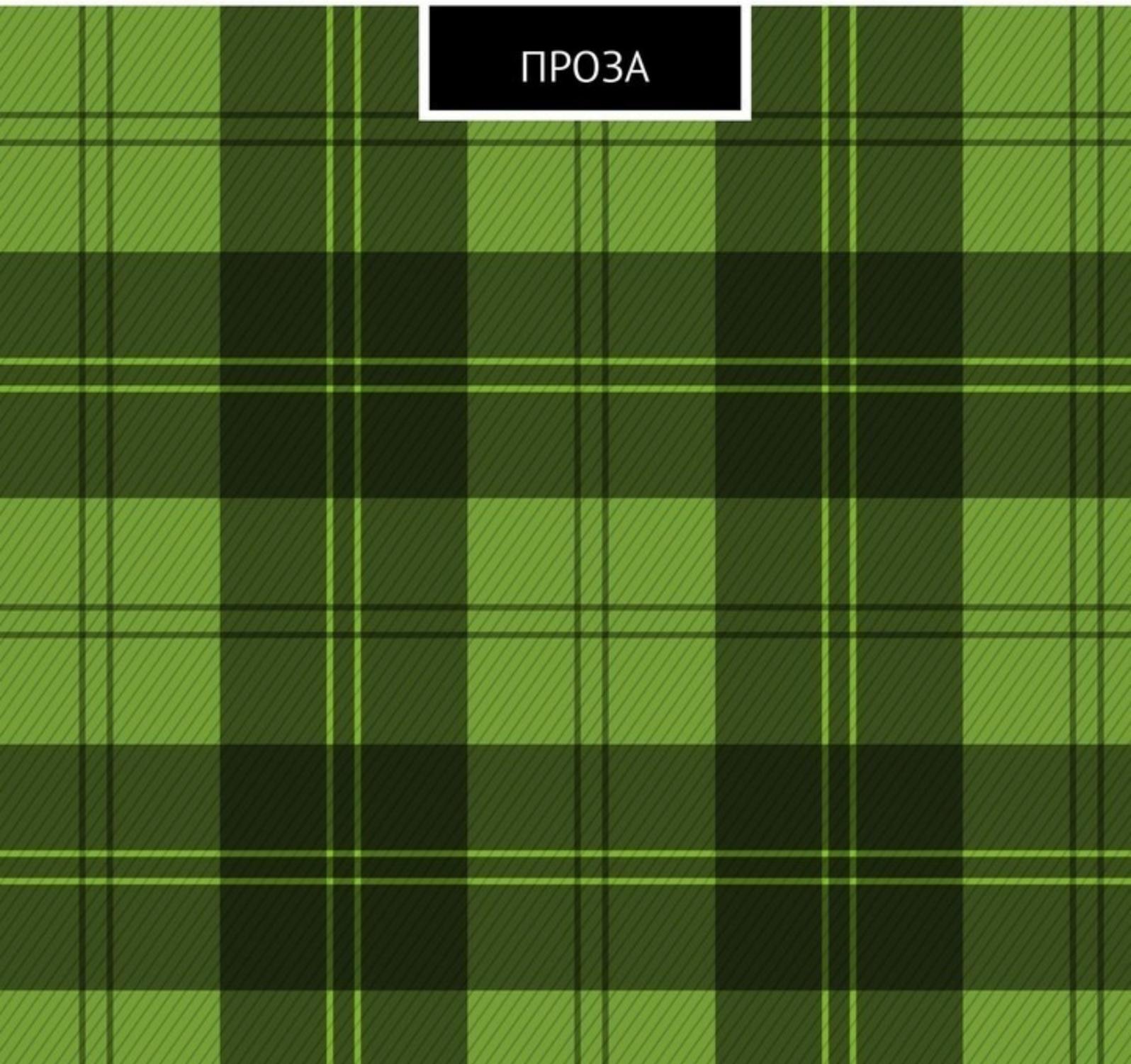

СЕРГЕЙ БЕРСЕНЕВ

Путешествие в Тмутаракань

ПРОЗА

Сергей Берсенов

**Путешествие в
Тмутаракань. Проза**

«Издательские решения»

Берсенов С.

Путешествие в Тмутаракань. Проза / С. Берсенов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965864-7

В книгу члена Союза писателей России, члена Российского союза писателей, заслуженного поэта Московии Сергея Берсенева «Путешествие в Тмутаракань» вошли одноимённая повесть и рассказы, написанные в период 2018—2019 гг.

ISBN 978-5-44-965864-7

© Берсенов С.
© Издательские решения

Содержание

1 ГЛАВА	6
ДЕТСТВО И ЧЕЛОВЕК	6
2 ГЛАВА	10
ВОКЗАЛ И ЧЕЛОВЕК	10
3 ГЛАВА	13
ВАГОН И ЧЕЛОВЕК	13
4 ГЛАВА	17
ВОСПОМИНАНИЕ И ЧЕЛОВЕК	17
5 ГЛАВА	22
ПЕРЕФИРИЙНОЕ УТРО И ЧЕЛОВЕК	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Путешествие в Тмутаракань

Проза

Сергей Берсенов

© Сергей Берсенов, 2019

ISBN 978-5-4496-5864-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 ГЛАВА

ДЕТСТВО И ЧЕЛОВЕК

Я бываю почти у каждого, но оценивают меня все по-разному. Одним запоминаюсь весёлыми друзьями, озорными проделками, катаниями на велосипедах, купанием в прудах и озёрах. Другие сетуют, что детства у них не было, и скучнее поры они не ведали. Сидели дома под строгим надзором нудных дедушек и бабушек, сдувавших пыль с чад, с первого класса читали учебники и навязанные школой книги о безумных героях, примерных мальчиках и девочках.

Почему-то меня хвалят, когда я награждаю подшефного возможностью разбить футбольным мячом окно на третьем этаже жилого дома, перебежать перед носом мчащегося с бешеной скоростью авто, исподтишка подразнить учителя или на летних каникулах во время отдыха в деревне залезть в чужой огород за клубникой и яблоками. За музеи и библиотеки хвалят редко, и то только отутюженные «отличники».

Взглянув внимательно на ребёнка, я стараюсь подобрать для него развлечения, соответствующие его характеру, интересам и даже внешнему облику, что тоже немаловажно. Представьте, например, замкнутого на десять амбарных замков вундеркинда, шляющегося с компанией по подъездам. Ершистый непоседа, привыкший с двенадцати лет нагло «стрелять» сигареты у пожилых мужиков и прибавлять к ноте «ля» вторую букву алфавита, вряд ли сядет смотреть художественный фильм на нравоучительную тему. К сожалению, я здесь не властно. Я переживаю, сочувствую, но вручаю каждому билет на тот поезд, который повезёт только его и только в заданном направлении.

У Гены Толстикова я складывалось сравнительно удачно. Родился он в захолустном городишке на Урале, куда занесло по распределению после окончания института московскую девушку Лизу Ефремову. Там она, вырвавшись свободной птицей из-под опеки строгих родителей, наскоро выскочила замуж за «плейбоя» местного значения, отбив его в жестоких сварах у ширококостных Прасковий, полногрудых Марфуш и вислозадых Авдотий. Правда, заумная супруга, схлопотав беременность, вскоре надоела любвеобильному жеребцу. Да и характерами они не сошлись, как Адам и Лилит. И Сафрона Толстикова снова потянуло на непривередливых землячек. Естественно, воспитанная, пусть и в нищете, но всё-таки цивилизованной, Елизавета не собиралась служить местной публике мишенью для насмешек и однажды, топнув ножкой, подала на развод. К тому времени Гене исполнилось девять месяцев.

Поначалу Лиза думала, что рождение сына заставит мужа по-новому смотреть на жизнь, но наивная душа сильно обожглась о раскалённую истину. Откуралесив запланированную неделю в честь наследника, Толстиков-старший принялся с ещё большим рвением ублажать женское население городка.

Итак, Геннадий Сафронович в младенческом возрасте, так и не «сфотографировав» на память ни одного уральского пейзажа, отбыл на постоянное место жительства в Москву. От непутёвого родителя ему достались многообещающая фамилия и непредсказуемые кержацкие гены.

Столица встретила малыша приветливо, особенно дедушка. На вокзале он буквально вцепился во внука морщинистыми руками и никому не хотел отдавать. Выпустил лишь дома, когда изрядно проголодавшийся карапуз стал требовать положенного кормления.

Если бы Гена был тогда года на четыре старше, то непременно обратил бы внимание на удивительную схожесть двух зданий: доисторической халупы, в которую его принесли из роддома, и московской кирпичной двухэтажки. Оба строения дышали на ладан. Первое –

осталось в прошлом, а вот во втором – Толстикovu суждено было прожить до окончания пятого класса английской спецшколы.

События приняли решение откладываться в памяти только через пять лет, но стартовый штрих имел довольно редкий, нестандартный оттенок. До этого времени Гена был исключительно домашним ребёнком и, чтобы бабушка с дедушкой до конца не испортили чадо своей активной любовью, Лиза рискнула пристроить сына в детский сад. Благо, министерство, где она работала, предоставило освободившуюся вакансию. Пару дней закомплексованный ребёнок протерпел, чувствуя себя в незнакомом обществе, словно в песочнице соседнего двора, а на третий «сделал ноги».

Всё бы ничего, да детский сад располагался недалеко от площади Дзержинского (Лубянки). Кончался же маршрут во внутреннем дворе жилого «винегрета», сразу за мостом, разделявшим улицу Горького (ныне Тверскую) и Ленинградский проспект. По пути любознательные глазёнки останавливались на волшебных витринах центрального магазина для юных покупателей, на каменных конях, взлетающих в небо с Большого театра, на сладких приманках булочных, кондитерских и на прочих ранее невиданных объектах. Странно, что пацан намотал солидный километраж и умудрился ни во что не вляпаться: как-то переходил улицы по утвердительным сигналам светофоров, не попался в силки рыскавших в поисках добычи педофилов, не растворился навсегда в снующем людском потоке. А в то время милиция, поднятая по тревоге, исследовала центр Москвы, словно под микроскопом.

Когда он предстал в одиннадцать часов вечера перед взволнованными родными, в матушкиной руке был наготове кожаный дедов ремень. На очереди улыбался зубастым страхом тёмный угол в прихожей. За Гену заступился дед, который баловал его, насколько позволяла фантазия. Везде таскал за собой: и на стадион «Динамо», чтобы приучить к безумному миру футбола (даже показал живого Яшина), и на ипподром, где в шутку советовался, на какую лошадь поставить деньги, и во дворец спорта «Крылья Советов», чтобы «наслаждаться» захватывающими боксёрскими поединками. Читать Толстикова научился не по сказкам, а по беговым программкам да по газете «Советский спорт». В его лексиконе не было фразы «мама мыла раму». Зато он выучил наизусть фамилии игроков и наездников.

А ещё в день рождения любимого внука дед откуда-то притащил красивого, пушистого кота. Недолго думая, нежного зверя нарекли Борькой. Кошара на удивление окружающих схватывал всё на лету, даже в туалете садился прямо на унитаз. Общение с Борькой активно формировало фундамент Генкиной души. Радость, нежность, привязанность накладывались в ней пласт за пластом, пока в бочку «мёда» не навалили три бочки «дёгтя»

Так как квартира Толстиковых находилась на первом этаже, в окна были вставлены продольные прутья из прочного металла. Проветривая днём помещение, обитатели его не опасались залётных воров или шkodливых мальчишек.

Борька ненавидел улицу. Однажды дед попробовал вынести его на прогулку, но бедное животное запаниковало и, вырвавшись из рук, пулей рвануло назад. Зато летом, чинно усевшись на подоконнике, кот млел на солнышке с рассвета до сумерек, отходя лишь по надобности да к миске с рыбой.

Надо сказать, что отдаленное от центра расположение дома притягивало под окна описываемой квартиры разные неприятные события: то алкаши натужно сливали излишки жидкости, то они же завывали русские народные песни, вставляя при этом матерные прибаутки, то прямо к стене так ставили гроб с покойником, что Генка несколько раз натыкался на лицо, гипнотизировавшее жутким меловым оттенком. Потом, перед сном пережитый кошмар загонял парня под одеяло и долго не давал уснуть.

Вернёмся к коту, который в один из жарких июльских дней, занял своё почётное место. В течение продолжительного времени на Борьку обращал внимание дед. Старый слишком часто подходил погладить кота, и бабушка пеняла его за праздность. Но вдруг обнаружилось,

что котяра исчез. Учитывая его патологическую нелюбовь к открытому пространству, искали внутри квартиры: заглядывали под шкафы, отодвигали диван; без осмотра не остался ни один квадратный миллиметр. Тщетно! Погоревали, погоревали и смирились. Генка неожиданно проявил качество, противоположное доброте. Он недоумевал: почему в такие трагические для него дни голуби, которых он всегда кормил по велению бабули, ворковали, радовались жизни, а не проявляли к нему должного сочувствия. Когда вокруг крошеного хлеба собралось большое количество голодных птиц, вдруг какая-то непонятная, тайная сила вложила в его руку тяжёлый камень и с размаху швырнула в ничего не подозревавших символов мира. Испуганная стая резко взлетела в небо. Остался лежать только один, смертельно раненный... Пришибленный голубь бился в конвульсиях, издавая слабые, последние в жизни звуки.

– Что же я наделал? – спросил себя Толстикov, выпущенный дьяволом из плена. В отдалённом (чтобы никто не заметил) углу двора, он выкопал соответствующую размерам крылатого существа могилку и со слезами на глазах похоронил невеличку. Отныне Генка знал, что чувствует человек, совершив убийство. Даже то, которое видит один только Бог.

Борька «значился в списке пропавших без вести» уже неделю, и надежды на его возвращение таяли в геометрической прогрессии. Но если бы не пропажа кота, дед не обратил бы внимания на расцарапанные лица двух десятилетних цыганят, проживавших в соседнем доме. Столь откровенные улики наводили на определённые размышления. После допроса с пристрастием, на который согласился их отец, они, поиграв в молчанку для приличия, сознались в своем проступке. Цыганят строго наказали; их семейство даже предлагало взамен принести нового кота. Однако дед и особенно сам Генка были категорически не согласны: уж больно к Борьке прикипели душой.

Они сначала хотели объявить эту дату красным днем календаря. А как же иначе? Но блудный член семьи, зачисленный в покойники, спустя три месяца замыкал под дверь квартиры. Радовались настолько бурно, что не заметили на теле любимца признаков заразной болезни, именуемой стригущим лишаем. Поэтому внезапное открытие ввергло всех в состояние, близкое к потере пульса. Жалость жалостью, но выходов было два: либо усыплять, либо отпустить обратно на волю. Естественно, выбрали второе.

Дед отвёз Борьку в район стадиона «Динамо», но тому непостижимым образом удалось запомнить обратную дорогу. Велико же было удивление Генки, когда он снова обнаружил безнадёжно больного друга лежащим на подоконнике. Тогда местом ссылки выбрали Серебряный Бор. Оттуда бедняга уже не вернулся. Прожил кот по данному адресу два года. К этому времени Толстикov закончил обучение в первом классе и подружился с Андреем Спиваковым и Таней Мироновой. Они не только являлись его одноклассниками, но ещё и жили по соседству. Кроме того, ребята боролись за право ухаживать за этой представительницей прекрасной половины человечества. Гена находился здесь в более выгодном положении, потому что родители девочки, работники ипподрома, дружили с его бабушкой и, уходя на работу, которая протекала в основном в вечерние часы, отправляли дочку к ним. Дети вместе играли, делали уроки, занимались всякими глупостями, даже пытались целоваться, подражая взрослым.

В школу Толстикov попал непростою. Ни в каком другом заведении среднего уровня, базирующемся во Фрунзенском районе, не преподавали английский язык со второго класса (по крайней мере сам он об этом не слышал). Дети ещё по-русски толком не могли ни писать, ни разговаривать, а их заставляли перед зеркальцем тренироваться в иностранном произношении. У одних это получалось сносно, другие же, в том числе и Геннадий, мычали, словно коровы, блеяли козами и хрюкали, точно свиньи. Единицы и двойки посыпались в дневник Толстикова, как из рога изобилия. Один раз за диктант учительница ему вообще безжалостно вклеила ноль, потому что в каждом слове он сделал по несколько ошибок. Подобная «прыть» в учёбе не могла не повлиять на итоговые оценки, и, в конце концов, классный руководитель проявила принципиальность, лишив отстающего летних каникул. Конечно, в августе с горем

пополам он исправил «неуды», но расписанное светлыми красками знакомство с Деревней, отложенное на целый год, настроение испортило.

Когда всё же историческая поездка состоялась, Генка узнал, что такое: купаться в чистом, прозрачном озере, дышать настоящим, свежим воздухом, бегать босиком по росистой траве и пить сводящую скулы родниковую воду. А ещё в его жизни появились новые лица.

Во-первых, пра-пра-бабушка, к которой они с дедушкой приехали в гости. Она была похожа на ведьму из страшного сна, и Толстикова боялся даже одного её вида. Зато соседский Мишка со своей родной сестрой Наташей были зачислены им в штат друзей без каких-либо проверок. Ему хватило всего полдня, чтобы увидеть разницу между заносчивыми московскими ребятами и непосредственными, временами наивными «аборигенами Берендеева царства». Не успел он опомниться, как непоседливый Мишка познакомил «столичного пацана» с братьями- близнецами Клочковыми – Толиком и Семёном и с девочками – Галей Немоляевой и Тоней Черноусовой.

В феврале того года Генке стукнуло девять лет, и он, конечно, ничегошеньки не знал о взаимоотношении полов, но тягу к милым созданиям чувствовал.

Окунувшись с головой в деревенскую круговерть, он совершенно забыл о городском шуме и с весёлой гурьбой местных сорванцов совершал «набеги» на колхозный сад, употребляя при этом до боли в животе неспелые и немые яблоки; ловил карасей самодельной удочкой, дотемна «разбойником» скрывался в зарослях живописного парка от «казаков». Генка перерождался душой и, если бы не обременительная необходимость жить там, где положено, среди холодных и мёртвых зданий, то никто бы не смог его вернуть в город, который в одночасье стал ненавистным.

Кроме того, однажды Мишка вовлёк своего друга в проделки, свойственные неординарным детям с богатым воображением. В один день, едва наступили сумерки, он потащил Толстикова на кладбище, где, по его сведениям, в это время покойники должны были покидать могилы и, не выходя за территорию, воровать у живых свежий воздух.

Слушая фантастические рассказы соседа, Гена втихомолку посмеивался. Ведь в Москве один раз ему довелось столкнуться с нечистой силой. Дело в том, что большинство старинных домов имели чёрные ходы.

Ранней весной среди бела дня из такого обиталища колдовства и магии выскочил чёрт. Да – самый что ни на есть настоящий, страшный чёрт, с хвостом, копытами и рогами и погнался за Толстиком, которого привело к заколдованной двери нездоровое любопытство. Тогда парню повезло: удалось ноги унести. Но запомнил он этот кошмар на всю оставшуюся жизнь.

... Удобно устроившись на лавочке рядом с последним пристанищем графа Мрачинского, ребята с нетерпением и страхом ждали появлений зомби. Минуту, другую... Они уже хотели поставить на идее крест, как вдруг увидели два человеческих очертания, медленно проплывавших над землёй.

– Я, кажется, того...., – только и смог вымолвить Мишка. Генка открыл рот, чтобы сказать фразу, но слова застряли в горле.

Приведения приблизились и, взглядевшись в их прозрачно-синие лица, Толстикова узнал Галку Немоляеву и местную красавицу Иру Паршину, которая существовала отдельно от основной компании, хотя была им ровесницей и ходила с вечно задранной кверху носом.

2 ГЛАВА

ВОКЗАЛ И ЧЕЛОВЕК

Очень жаль, что нас, здания: жилые дома, больницы, институты, стадионы, гостиницы – не считают живыми, мыслящими... А ведь мы также, страдаем и переживаем, радуемся и плачем, болеем и умираем, как и те, кто принимал в нашем рождении непосредственное участие. Архитекторы проектируют, строители возводят, но они никогда задумываются над тем, что во время кропотливого процесса передают объектам сотни, а то и тысячи генов, которые формируют личность будущего здания. Отсюда и появляются пятизвёздочные отели, дома улучшенной планировки, в противовес которым существуют захолустные общежития и бараки. Да откуда вам, затюканным неласковыми судьбами, знать об этом? Когда ещё наука доберётся до очередных белых пятен? Мы – такие же равноправные жители Земли, только каменные.

Меня зовут – железнодорожный вокзал. В Москве у меня есть, как и родные братья и сёстры (станции), так и двоюродные – аэропорты и метрополитен. Но речь пойдёт не о них.

В отличие от закрытых учреждений, вход в мою душу всегда открыт. Кто-то встречает, кто-то провожает, кто-то сам с баулами и чемоданами отправляется в далёкий путь. Внутри у меня всё сделано для удобства граждан: множество билетных касс практически убрали потерю драгоценного времени в очередях, цивилизованные пункты питания предлагают проголодавшимся не только бутерброды, но и горячие пиццу и гамбургеры; в надёжные камеры хранения и автоматические ячейки можно безбоязненно положить самый ценный багаж и отправиться по неотложным делам, для книголюбов в павильонах имеется небывалый выбор бестселлеров.

Читатель весело усмехнется: «Каков гусь! Расхваливает себя на все лады и не краснеет!» Неправда! Краснею! Потому что присутствуют неискоренимые негативы! Куда без них? И бомжей хватает, и пьяные валяются, где попало. Воруют, что оставлено растяпами без присмотра.

Перед центральным входом местные бандиты, контролирующие частных предпринимателей, открыли «развод лохов».

– Любезный, вытащите выигранный билетик!

Эх! Поверьте – стыдно! А что я могу предпринять? Это тоже родительское наследство. И всё же, несмотря на возникающие в процессе общения накладки, я рад каждому входящему независимо от его пола и вероисповедания. Главное, чтобы он не задумывал организовать внутри меня террористический акт.

Вот от этого «шкафчика», вразвалочку проникнувшего на мою территорию, я не жду ничего плохого. Взрывной механизм можно, конечно, спрятать и в спортивной сумке, но я знаю, что там, кроме туристических принадлежностей, сигарет, водки и еды, только – мирные намерения. К тому же лицо у мужчины доброе, хотя и претендующее на мужественность.

Мне даже стало интересно. Давайте потихоньку заглянем в паспорт человека, очевидно, отправляющегося на отдых. Ага! Толстикова Геннадий Сафронович. Прописка московская, но по смуглому оттенку кожи возьму на себя смелость предположить, что русская кровь изрядно подпорчена вмешательством одной из малочисленных уральских народностей. Читаем далее... Тридцать восемь лет отроду. Надо же? Не дашь, не дашь... В разделе «семейное положение» – странная пустота. Такой симпатичный и – холостой. На педика вроде не похож. Наверное, предпочитает жить с кем-нибудь в гражданском браке, или просто жизнь не сложилась.

Ну, что, поговорим, Гена, по душам? Куда ж ты намылился, дорогой? Ага! В паспорте лежит аккуратно сложенный билетик до станции Лосево. Знаем такую... Состав стартует из Москвы в двадцать один час тридцать минут. Прибывает на место в три часа ночи. Учитыв-

вая, что там, на всю привокзальную площадь горит всего один тусклый фонарь, представляю, как напугается господин Толстик. Сейчас ведь некоторые «умные» поезда вообще перестали останавливаться в Лосево, не считая его за приличный населённый пункт.

Раньше хоть время было смещено более удачно. Распрощавшись со столичной суетой в начале двенадцатого, пассажир, грезящий о достопримечательностях захолустья, полусонным выгружался в росистую свежесть рассвета.

По задумчивому лицу Геннадия Сафроновича видно, что он едет туда спустя определённый промежуток, равный, как минимум, двум десятилетиям. Едет скорее наобум, чем по приглашению. Неизвестно ещё – примет ли его среда, которую он слишком долго игнорировал. Если – да, то не с распростёртыми объятиями, а настороженно.

Где же ты пропадал, Геночка? Работал? Кажется, я знаю – где и кем. Сначала ты по великому благу устроился прапорщиком в охрану ЦК КПСС и имел непосредственное отношение к комитету государственной безопасности. Будучи одиноким, валял дурака на вахте. Изредка, чтобы не превратиться в импотента, пользовал, как туалетную бумагу, валютных проституток. Само собой задаром. Когда понял, что Советский Союз «гикнул», за магарыч организовал себе липовую болезнь и уволился из органов по состоянию здоровья. Как раз в коммерческих структурах срочно стали требоваться люди с уважаемым прошлым – бывшие «оперативники», «афганцы», «гебешники»... А куда им, нищим и честным, было податься? На тёплых местах, там, откуда они ушли, продолжали сидеть оборотни и перестраиваться никоим образом не собирались. Фигура, Сафроныч, у тебя классная, стреляешь отменно: не зря любил тренировки больше, чем отвязные загулы. Насчёт фальшивой чёрной метки никто здесь не интересовался, а из серьёзных диагнозов по твою душу заходил только триппер.

Учитывая послужной список, тебя сразу же приняли в банк «Надурюнародркредит» заместителем начальника смены. Словом, маленьким вонючим провокатором. Однако, благодаря характеру, ненависти подчинённых и сослуживцев ты избежал. Зато посыпались на голову благодарности, премии, особо важные задания, вплоть до... Кто нынче обходится без грехов?

Ладно, оставим в покое трудовую деятельность. Ответь мне на один тёмный вопрос: не ездил, не ездил, и вдруг... Как будто тебе попала карта с местностью, где клад зарыт неимоверный. Видно, в душе твоей заноза живёт и временами даёт о себе знать.

Ты не стал участвовать в таком сомнительном предприятии: всё равно на прописанную в плацкарте верхнюю полку никто посторонний не позарится. Подождал, пока оголтелая масса переворачивается с боку на бок. Я думаю, что причину следует искать в прошлом. Прикинуть, когда ты был в деревне в последний раз, и копнуть лопатой любопытства.

Ты посмотрел на часы и увидел, что до отправления поезда уйма времени. Правильно, нужно выкурить импортную сигарету с ментолом и выпить бутылку холодного пива. Это приведёт в порядок мысли.

А вот ребят, которые заманивают в игру, следует обойти. Не то оправишься на отдых с разбитым лицом и пустым кошельком. Они даже не заметят твоих профессиональных навыков. Двадцать на одного – всегда много. К тому же зачинщиком драки милиция признает именно гражданина Толстикова, что и подтвердят многочисленные свидетели. Отмахиваясь, ты непременно покалечишь пару-тройку уродов, но тут-то и замаскирована подленькая ловушка в виде уголовной статьи. Послушай совета, обойди стороной...

Кстати, видишь грязного попрошайку, сидящего на ступеньках перед входом? Угадай с трёх раз – сколько ему лет? Не шестьдесят и не семьдесят... Тридцать пять. Бывший москвич, бывший научный сотрудник, который сдуру попался на удочку мошенников. Взял кредит на развитие бизнеса, а в итоге остался без семьи и жилья. Поискав правды в государственных инстанциях и не встретив там понимания, он попробовал добиться справедливости частным путём, устроив самосуд. Тех, кто его обидел, бедолага вычислил и... в результате непродолжительного боя стал инвалидом с осложнением на голову. Немного оклемавшись на окраине

города в подвале одной из блочных многоэтажек, где его подкармливала местная шпана, он превратился в нынешнее чудовище. Под мою крышу Егорыч (это всё, что сохранилось в памяти из прошлой жизни) попал по великому благу. Не каждого оборванца местное нищее сообщество пустит на промысел. Здешняя территория была поделена давно и надолго.

Наконец, подали состав. По радио объявили – на какую платформу, и ты, швырнув бычок в урну, уверенно пошел туда, куда направила жизненная колея.

Народ тоже рванул без оглядки, грубо толкая друг друга и думая, что принимает непосредственное участие в олимпийском забеге, где победителю достанется не плакатное место, которое пропечатано в билете, а отдельный номер люкс с личным клозетом и душевой кабиной. Вот пожилой узбек, навьюченный, словно ишак, чуть не столкнул на рельсы толстую тётку в цветном ситцевом халате, возвращавшуюся в родную деревню из столичной продовольственной командировки. В качестве спасателя женщины выступил избыток собственного веса. Будь в ней килограммов на сорок меньше, не доехала бы она до родных Сиволапучей. А так массивное пузо героически приняло удар и позволило вылить на обидчика ушат русского «фольклора».

Ты подождал, пока народ не разбежится по своим вагонам, и только тогда принялся выискивать табличку с номером тринадцать. Хорошо хоть, что ложе досталось с иной пометкой. Чуть-чуть кассирша промахнулась – на одну цифру.

Для такого тёртого калача, как ты, прошедшего огонь воду и медные трубы, несчастливая примета – что червяк под подошвой. Раздавил и не заметил. Но берегись!.. «Линия жизни» на твоей ладони скрывает истину даже от зорких глаз потомственной гадалки. Похоже, судьба собирается подкинуть тебе весёленькое приключение с тайнами, погонями, возможно, с перестрелками и с амурными паузами. А за триста километров от кольцевой дороги подобная круговерть умножается на целых десять единиц непредсказуемости. Смотри-ка, очередь нервничает, как будто штурмует прилавок с дефицитом. Каждый норовит наступить на ногу позади стоящего или прошмыгнуть быстрее того, чья спина маячит красной тряпкой. Но ты разве бык? Разве закипает в тебе тупая ненависть к слабо мыслящим существам? Наоборот, пристроившись последним, снисходительно наблюдаешь за происходящим, как искушённый зритель в театре сатиры и юмора. Ты с нетерпением ждёшь, когда грянет многоэтажный гром скандала. Ведь, честно говоря, скучна жизнь без бытовых заусенцев, проявляющихся в склоках, раздорах, стычках. Причём, эти междусобойчики случаются во всех слоях общества. Просто протекают по разным сценариям: чем выше ступень, тем серьёзнее сюжет.

Вот какой-то неуравновешенный путешественник, очевидно, уже принявший на грудь, расходился так, что не стало слышно вокзального диктора. На скромную, неприметную жену, которая пыталась внушить ему правила хорошего тона, внимания он не обращает. Сей громогласный оратор замечает её, наверное, только по «красным дням календаря», когда не на ком зло выместить или треба удовлетворить скотскую похоть.

– Эй, проводница! Ты чё так медленно пальцами шевелишь? – налетел он, словно коршун, на служащую железной дороги, – Совсем нюх тут потеряли, дармоеды хреновы! Жалобу надо писать, чтобы всех премий лишили!

– Иди, жалуйся!.. Хоть самому президенту! – парировала острая на язык женщина. Собственно, тихоням на работе, связанной с непосредственным общением, делать нечего, – Пока будешь кляузничать, поезд без тебя уедет. Придётся до пункта назначения по шпалам добираться, – добавила она невозмутимо.

Оценив находчивость проводницы, большинство отъезжающих встало на её сторону.

Мужик не ожидал подобного развития сюжета и притих: не хватало вместо отпуска загребеть в милицию. Кто ж завтра с братьями самогонки нахлещется до потери пульса? К счастью, «нарыв» лопнул так, что гной остался за кадром. Ездоки потихонечку всосались в утробу вагона и принялись компактнее рассредоточивать баулы и «чумоданы».

3 ГЛАВА

ВАГОН И ЧЕЛОВЕК

Чух. Чух. Чух-чух. Чух-чух-чух, – поют колеса свою монотонную песню. Отправляемся в путь по маршруту: Москва – Ближнее зарубежье. Дико звучит, но историю не переделать. Отделились бывшие братья по разуму, да и хрен с ними. Нашей стране от этого хуже не стало. Хотя, по старой памяти они иногда пытаются залезть в карман старшей сестры.

Чух. Чух. Чух-чух. Чух-чух-чух... Эх, отправляемся на ночь глядя! Как я порой завидую устраивающимся на полках пассажирам!.. Конечно, дорожная тряска – не домашний комфорт, но они чувствуют себя, словно дети в колыбели. А мне чуть менее суток придётся спешить по этим стальным, неумолимым рельсам, делая редкие передышки на станциях и полустанках. Но смотрю: не все желают укоротить неблизкий маршрут за счёт погружения в сюжеты снов. Одни побежали с сигаретами в тамбур, другие завалили столики нехитрой дорожной снедью – варёными яйцами, копчёными курами, огурчиками-помидорчиками, которые должны послужить надёжной закуской при употреблении водки или портвейна.

Не стал исключением и горластый мужичок, чудом избежавший свидания с органами правопорядка. Они с женой оккупировали две нижние полки; и если хлопоты по сортировке громоздкого багажа легли на «железные» плечи слабого пола, то опеку над продовольственной сумкой Ваня Кукарекин посчитал собственной привилегией.

– Клава, чё ты мельтешишься под ногами? – пробурчал он, недовольный тем, что момент возлияния оттягивается.

– А тебе так и не терпится налакаться! – горестно вздохнула подруга жизни.

– Молчи, Тортилла! Лучше бы я один в отпуск поехал! С тобою – одни проблемы!

– Если надоела, давай разводиться! – неосторожно сказала Клава и нарвалась на минное поле возмущения.

– Я те разведусь... И думать об этом забудь! Кто мне стирать да жарчку готовить будет? Потом... я-то себе грелку под бок найду, а ты кому нужна, рыхлая и конопатая? Разве что – бомжу с вокзала, у которого не стоит?

Иван продолжал бы и дальше оскорблять жену, но тут подошёл Геннадий Сафронович Толстиков и бросил спортивную сумку на верхнюю полку.

– Добрый вечер, товарищи попутчики, – вежливо поприветствовал он, как сделал бы любой порядочный человек.

– И вам того же, – за двоих ответила Клава. Иван сравнил свою врождённую немощь со статью соседа по плацкартному закутку и, завидуя чёрной завистью, отвернулся. Ещё в школьные годы ему крепко доставалось не только от сверстников. Однажды ребята, которые были на два года моложе, заставили Кукарекина стирать им грязные носки. Если бы не старшие братья, быть Ваньке – Аннушкой.

Встретив относительно неласковый приём, Толстиков освободился от поклажи и устроился на верхней полке. Минут пятнадцать он выбирал для сна позу, пока не нашёл удобную. На боковую потянуло потому, что ехать было совсем нечего – на его полустанок мы прибегаем в три часа ночи. А курить ему на ночь не хочется. Душа просит отдыха. Геннадий попробовал сосчитать до ста, потом до тысячи, но что-то то и дело принялось вмешиваться, запрещающая перейти невидимую границу. Да ещё внизу странная супружеская пара затеяла семейную склоку.

Иван ополовинил бутылку и его «понесло» на ущербную философию.

– О народ пошёл: ни выпить, ни поговорить! – разорвалась гранатой «умная» реплика.

– Тебе ж одному неплохо выпивалось и закусывалось, – язвительно заметила Клава.

– Чё ты бурбишь? Мужские темы не для куриных мозгов! Коли человек остограммился, требуется душевная беседа, а некоторые (он кивнул на Толстикова) брезгают рабочим классом! Повернулись задом!

– Тише ты! Услышит! – испугалась жена, предчувствуя опасный поворот.

– Не услышит. Он, наверное, дрыхнет и во сне тёлку длинноногую фрезерует, которая ему перед отъездом не дала. Но даже, если и не спит? Пусть знает мнение простого сантехника.

– Не трогай того, кто не в состоянии ответить. Что ты вообще на него напал? Лежит, бедняга, и абсолютно никому не мешает. Кстати, по внешности видно – культурный человек. Тебе – не чета.

– Ба-а-а... Какого-то вонючего проходимца считаешь больше, чем законного мужа! – рассвирепел Иван.

– Не мужа, а изверга, – поправила Клавдия.

– Может, разбудим, а? Мол, так и так: старая сучка молодого кобеля возжелала!

– Ну, ты и скотина! Действительно, хорошо бы он проснулся и дал тебе со всей силы по пьяной, противной морде!

Иван решил поднабраться мужества, которого у него не хватало для агрессии, и добил пузырь до конца. Его глаза угрожающе скучковались, остатки скромного разума записались в прогульщики, аварийное состояние души усугубила очередная сигарета.

В тамбуре собеседников тоже не нашлось. Все шархались от него, как от больного проказой.

«Во! Переделка! – возмутилась кайфующая гордость Кукарекина, – Скорее бы до братьёв добраться! Одни интеллигенты хреновы вокруг! Всех бы передавил!»

Знания ему не давались никогда. В школе он дважды оставался на второй год: пятый и восьмой классы безжалостно подставили подножки. Окончил Ваня, естественно, восьмилетку. Да и в ПТУ, обучаясь на специалиста по клозетам, в отличниках не значился. Если бы грамотный человек ненароком заглянул в его заявления да объяснительные, которые непризнанный классик временами сочиняет на работе, то пришёл бы в неопишуемый ужас: «Прашу атпустить миня в ачеридной отпуск...», «Я прагулял смену патаму што забалел...» – это всего лишь мизерная часть «великих» строк гения.

Возвращение блудного Ивана ознаменовалось грохотом, который многие восприняли, как крушение поезда. На самом деле он просто не вписался в проём прохода и опрокинул на пол содержимое столика боковых соседей. Щупленькие мужички, к тому же не знакомые с храбростью, согласились с известным изречением: «Не повалешь – не поешь». Зато не промолчала Клавдия.

– На вокзале тебя не забрали, так ночью ссадят на захолустном полустанке...

Кукарекин изобразил движение варёной сосиски и авторитетно изрёк:

– Р-р-руки к-к-коротки!

Неподвижность Толстикова совсем не означает, что он уснул или пропускает хамские высказывания мимо ушей: до поры решил сдерживаться. Ведь ему достаточно сделать одно движение рукой, чтобы скандалист всю жизнь работал на лекарства. А это уже – крайняя мера, к которой Геннадию Сафроновичу прибегать не улыбается. Отвернувшись лицом к стенке, он безуспешно пытается утонуть в воспоминаниях многолетней давности. Если бы Иван заподозрил, на чью мозоль наступает, то предпочёл бы тоже постучаться в дверь, отделяющую сегодняшней день от завтрашнего.

– Клавка, дура, давай вторую «родненькую»! Куда ты её заныкала? – потребовал он продолжения банкета.

– Да ты на ногах еле стоишь. Где потом носильщиков искать, чтобы тебя в телегу погрузили?

– В какую, ёпт, ещё телегу?

– Пьяных в автобусы не пускают, а до деревни как-то добираться надо.

– Оскорблять меня вздумала, каракатица безмозговая! – Кукарекин почувствовал себя всенародно униженным и, размахнувшись, насколько позволило пространство, отвесил жене смачную оплеуху.

Своим криком Клавдия взбудоражила весь вагон, даже тех, кто мирно храпел в самых удалённых точках. Она рассчитывала собрать побольше свидетелей и припугнуть разураганившегося супруга. Однако спутники подобрались не геройские и, словно сговорившись, завернулись в казённые байковые одеяльца.

Единственным человеком, кому омерзительный поступок Ивана встал в горле костью, оказался Гена Толстиков. Он вылетел из укрытия, как лезвие выкидного ножа, и предстал перед растерявшимся оппонентом каменной глыбой.

– Ты меня достал, алкоголик! Собеседник, говоришь, требуется? Давай поищем общую тему. Спорт, литература, искусство, здравоохранение... Оставляю за тобой право выбора.

– А-а-а... Я-я-я...

– Значит, русский язык: алфавит. Только почему середину проглотил?

Геннадий наехал катком, намереваясь выложить Кукарекина асфальтовой дорожкой. Проще говоря, унижить. Но, чтобы не лишать себя удовольствия от процесса, он пустил в ход не кулаки, а сарказм, который наивный Иван посчитал за неуверенность и попробовал перехватить инициативу.

– Во! Говёшка с полки свалилась! С добрым утром, сынок! Ремня захотел, или простить, пока я добрый? Могём и по рецепту на обе зенки! Порядок у меня с русским...

Ни обиженные соседи, подглядывающие искоса, ни Клавдия не заметили никаких действий со стороны Толстикова, но Кукарекин вдруг схватился за воображаемую печень и стал медленно оседать на пол. Показалось, что всему виной приступ скрытой болезни, вызванный чрезмерным потреблением алкоголя, и только знаток хитрых приёмчиков, бывший сотрудник секретных органов, Гена знает истинную причину внезапного недомогания.

Испуганная Клавдия склонилась над дёргающейся мужниной тушей. Непроизвольные конвульсии она ошибочно посчитала за предсмертную агонию.

– С ним всё в порядке! – поспешил успокоить Толстиков всхлипывающую женщину, ибо та, несмотря на семейные дразги, склонна защищать изверга.

– Это вы поспособствовали его нынешней немощи? – посмотрела она подозрительно на него.

– Провидение, – ответил Геннадий, опасаясь быть правдивым.

– Когда он придёт в себя?

– Минут через десять...

– Я бы посоветовала вам обратиться к проводнице и попросить место в другом вагоне.

– Почему же? Мне и здесь хорошо.

– Очухается мой буйвол и снова в дурь пойдёт. А когда вспомнит...

Толстиков не дал договорить:

– Не вспомнит. Даже о том, что употреблял водку. И будет абсолютно трезвым.

Толстиков оказался провидцем. Поднявшись, Иван не полез на мир с кулаками, не стал искать виновных на расстоянии метра, а словно родился заново.

– Где я? Что со мной произошло?

– Ты только что вернулся из космоса! – дружелюбно потрепал его по плечу Геннадий, – Пообщался с инопланетянами. Сейчас вернётся сознание, и ты поблагодаришь жену за то, что она вырвала тебя из щупальцев злобных гуманоидов.

– Правда? – недоверчиво спросил Кукарекин.

– Истинная правда, – подтвердила Клавдия.

Когда покорный Иван, вдруг оказавшийся под каблуком жены, пожимая плечами, отправился принимать горизонтальное положение и вскоре заснул, она обратилась к неожиданному спасителю:

– Что бы я без вас делала? Только вряд ли это поможет...

– А вы вожжей-то не выпускайте. Хвост жар-птицы в ваших руках и больше ничьих.

– Извините, не знаю, как вас называть...

– Геннадий...

– Может, выпьете, Геночка, со мной, – предложила Клавдия, желая угодить Толстикovu. – Бутылочка, которую он выпрашивал, вроде бы, без присмотра осталась.

– Не-е-е... Я лучше полезу обратно наверх. Утром надо чувствовать себя на пять баллов. А водку мужикам отдайте в качестве возмещения морального ущерба.

Обрадованные соседи засветились улыбками, и в их лице я приобрёл ещё двух человек, отложивших нашу встречу в архив памяти светлым пятном.

4 ГЛАВА

ВОСПОМИНАНИЕ И ЧЕЛОВЕК

Лёг человек, повесил замок на веки и думает: «Спокойной ночи, Геннадий Сафронович! Жди: сейчас будут сны волнами накатываться!. Возможно, возможно... Однако человек совсем забыл про меня. Прежде чем мозг заядлым пловцом нырнёт в бездонную пучину, я сделаю эту попытку долгой и мучительной. Иногда могу заставить просмотреть всю прошлую жизнь в замедленном действии, особо выделяя каждое душещипательное событие. Пей горстями димедрол, кури сигарету за сигаретой – бесполезно.

Вообще-то Геннадию есть, что вспомнить. Но сегодня он будет благодарен мне за подарок, связанный непосредственно с поездкой. Да и как ему не помнить Мишку, близнецов – Толика с Семёном, Галку, Тоньку, Иринку...

Мишка... Это одна из самых глубоких и болезненных ран, когда-либо нанесённых ему судьбой. Будучи юношами, они мечтали о долгой и преданной дружбе. Но...

Первые подвиги навсегда покрылись пылью прошедшего времени и, как бы Толстиков не пытался воскресить то, с чего всё начиналось, я не пушу его на столь отдалённое расстояние. Побалую отдельными отрывками и только.

Девчонки – особый разговор. За Паршиной он бегал с первого класса, а Тонька Черноусова и Галка Немоляева, по-детски страдая и проливая первые слёзы, пытались отбить его. Да и Мишкина сестра, Варя, тоже иногда посматривала в его сторону с интересом. Галку он донимал проказами и дразнилками, с Тоней обходился по-товарищески, Варю же практически не замечал. Он её вообще не воспринимал всерьёз: мог за косу дёрнуть да толкнуть в заросли жгучей крапивы.

Другое дело Ирка Паршина. Ей льстило, что симпатичный московский мальчик уделяет ей больше внимания, чем остальным девчонкам. С годами внимание обещало перерасти в романтическое чувство. Временами местная принцесса, сознавая собственную значительность, пользовалась привилегиями: задирала нос, вертела задом. От этого Геннадий злился и вымещал обиду на деревьях, вырезая на их коре характерные татуировки.

Когда он не был занят футболом или рыбалкой, то непременно находился поблизости от уютного домика Паршиных, в надежде увидеть объект своего чрезмерного увлечения. Вечером в клубе (если позволяла возрастная категория фильма) Генка, будто случайно, усаживался рядом с ней и в темноте смотрел на её симпатичный, немного курносый, профиль дольше, чем на экран, игнорируя даже приключенческие сюжеты.

Возможно судьба, не спеша, так бы и докатила их до печатей в паспортах, но тут его дед вздумал сцепиться в жутком споре с пра-пра-праВедьмой из-за наплыва случайных гостей, которые нахлынули из Москвы, воспользовавшись неосторожным приглашением, сделанным старухой в маразматическом приступе.

Геннадий не ездил в Деревню вплоть до окончания школы. Он уже махнул рукой на Иринку и остальных всех вместе взятых, но вдруг бабка пошла на попятную и срочной телеграммой попросила отпустить хотя бы Геночку.

Мать с дедом обычно при упоминании о старой карге запевавшие дуэтом Змеев Горынычей, сначала закочевряжились, но под натиском настоятельных просьб Геннадия, сопровождаемых недвусмысленными угрозами приводить домой сомнительных волосатых товарищей, пошли ему навстречу.

Генка неспроста рвался прочь из Москвы. Ему так хотелось забыть о месяце, бесславно проведённом в подмосковном Клину. Точнее – в военном посёлке на окраине города.

Место отдыха особо выбирать не приходилось, а в институт он документы решил не подавать: потянуло в армию за мужским характером.

Итак, на следующий день после сдачи последнего экзамена дед выдал любимому внуку два червонца, и вскоре Толстикова с огромным чемоданом, впервые без сопровождения взрослых, отправился на родину великого русского композитора Чайковского.

Самой ценной поклажей, которую Генка упаковал в чемодан, была форма футбольного вратаря, включая бутсы и перчатки. Яшина из него, к сожалению, не получилось, но любовь к популярному виду спорта осталась. Он помнил, что футбольное поле там имелось, и пацаны резались порой не на шутку.

Два душных часа в электричке скрасила «Королева Марго». Она же и спасла от нападков вредных старушек, упустивших при посадке сидячие места и проклинавших молодое поколение последними словами.

Левобережная, Химки, Сходня, Крюково...

Ла Моль, Кокконас, Генрих Наваррский, Герцог де Гиз...

Фирсановка... Кажись, приехали...

Первое, что сделал Геннадий после того, как катапультировался из электрички – узнал точные координаты ближайшего вино-водочного погребка. Домик-самобранка располагался невдалеке – метрах в пятидесяти от станции, но, если бы ему не подсказал местный ханыга, вряд ли бы он показал уровень Шерлока Холмса. Москва и Клин – два параллельных, непере-секающихся мира. Такую ветхую постройку на окраине столицы определили бы разве что под сарай, в центре – снесли бы наверняка.

Зато витрина не уступала ни одному уважающему себя районному универсаму – ни Бирюлёвским, ни Чертановским, ни Медведковским, ни... Чего там только не стояло: и коньяки разнозвёздочные, и водки разноимённые, и портвейны, и сухие вина... У Толстикова по неопытности глаза разбежались. Один из червонцев он решил оставить про запас, на второй же замыслил отовариться не хуже ветерана Великой Отечественной войны. Когда ошалевшие было глаза успокоились, его выбор пал на скромное и дешёвое плодово-ягодное. Целых девять «бомб» получилось... Естественно, сам он покупать не осмелился – восемнадцать ещё не стукнуло. Мужик из очереди вырубил, пожалел...

Чемодан изрядно потяжелел, но в рейсовый автобус Толстикова, юноша среднего телосложения, влез счастливый, особенно не напрягаясь. Его распирало от удовольствия, потому что спиртным он надеялся умиловить дядю, который был старше племянника всего на каких-то восемь лет.

– Фу, какая гадость! – отреагировал неблагодарный родственник, едва взглянув на презент, преподнесённый от всего сердца.

– Я думал – чем больше, тем лучше, – расстроился Толстикова.

– Ладно, не выбрасывать же... – дядя Вова с опозданием понял, что переборщил и, хлопнув парня по плечу, побрёл за стаканами, пока не возвратились с работы старшие. Сам он предпочитал нигде не работать, ссылаясь на редкое заболевание нервной системы.

Уничтожив вместе с дядей половину гостинца, Генка вышел на улицу в надежде встретить тех, с кем подружился лет пять назад. Однако всюду ему попадались незнакомые лица, а в квартирах Саш, Вить и Серёг жили другие люди. Такова судьба офицера – колесить по стране. Толстикова пришлось наводить новые мосты, завязывать новые узелки, изучать новые характеры...

Квартира располагалась на втором этаже, и можно было выйти на балкон, развалиться на стуле, предварительно напялив для понта солнцезащитные очки, и производить разведку. На следующий день он так и сделал.

Смотреть сверху вниз на людей – удел избранных. Да и то существует грань, за которую переходить опасно. А несовершеннолетнему юноше за подобное и браться не стоит. Однако

Генка ощутил незнакомые доселе чувства и посматривал на прохожих, аки римский император – брезгливо и надменно. Это занятие уму быстро наскучило. Люди людьми, а он приехал сюда за другим. Вдруг в поле его зрения попали фигуры двух девушек, щебетавших на другом конце двора. Лица их рассмотреть было невозможно. Как ни напрягал он зрение, радовали глаз только стройные фигурки. Одна была блондинкой, вторая тёмненькой... Чтобы обратить на себя внимание, Толстиков встал и начал на балконе наигранно потягиваться, производить какие-то несуразные действия, но это ни к чему не приводило. Тогда он несколько раз помахал им рукой. Девушки наконец-то его заметили, улыбнулись и помахали в ответ: мол, спускайся – познакомимся!

Обрадованный Толстиков пулей бросился к двум принцессам. По дороге чуть не снёс ступенного майора, входящего в подъезд. Когда он подбежал к прекрасным незнакомкам, радость медленно сползла с его лица: даже симпатичными девушек трудно было назвать. Конечно, на вкус и цвет... А если нет цвета, то что?

Генка застыл, как вкопанный, и девушкам пришлось взять инициативу в свои руки.

– Откуда такой красивый мальчик появился в нашем гарнизоне? – спросила плосколицая, похожая на камбалу, блондинка.

– Из Москвы я, – нехотя ответил Толстиков.

– То-то мы тебя тут никогда не встречали. К кому приехал? – ввернула свой интерес невзрачная тёмненькая.

– К Потаповым, – буркнул Генка и указал пальцем в сторону дома, из которого только что выбежал.

Обе девушки пожалы плечами, показывая свою неосведомлённость. Разговор перешёл в бестолковое русло: знакомство (Таня и Света). И далее банальные вопросы: где в Москве живёшь, как учишься, кем хочешь быть, есть ли в Москве девушка... Генка не знал уже, как избавиться от принцесс, мгновенно перекочевавших в ранг простушек.

Они наверняка стояли бы ещё долго... Может быть, даже вместе сходили бы в кино. Но тут мимо них проплыла (иначе и не сказать) девушка, которой не стоили и двадцать таких Тань и Свет... Взгляд Толстикова будто прилип к удаляющейся фигуре красавицы

– Кто это? – непроизвольно вырвалось у него.

– Забудь! – брезгливо фыркнула Света-блондинка, – За этой выпендрёжницей бегают Котов.

– Мне это ни о чём не говорит, – пожал плечами Генка.

– Девушка самого сильного парня в гарнизоне, – заверила Таня.

Но Толстиков уже не слушал, Он был весь в несформировавшихся мечтах.

– Извините, девушки, я вдруг вспомнил об одном неотложном деле. Встретимся завтра...

– Где и когда? – с надеждой поинтересовалась Света, которой понравился новенький.

– Я вас с балкона увижу и спущусь.

Вернувшись домой, Толстиков погрузился в раздумья: как познакомиться с неприступной «крепостью»? Подойти прямо на улице и заговорить? Так отошьёт, да ещё получишь по роже от местных ребят. Как ни напрягал Генка мозги, ничего путного в голову не лезло. Решение пришло неожиданно.

На следующий день он снова занял место на балконе и принялся осматривать двор.

– Эй! – неожиданно донеслось снизу. Это крикнул ему крепкий парень примерно его возраста. Генка решил не сдаваться и показать столичную марку, пусть и за счёт напрашивающегося фингала.

– Если ты это мне, то я на «эй» не откликаюсь.

– Борзый такой? – улыбка парня была скорее не наглой, а дружелюбной. Просто, проверял на вшивость.

– Какой есть...

– Ладно, спускайся, коли не бдишь... Поговорим...

– Пять секунд! Стой на месте...

Они с минуту осматривали, оценивая друг друга.

– Васька... Котов, – протянул первым руку крепыш.

– Генка... Толстик... С Москвы, к Потаповым приехал...

– Знаю, к Семёнычу с Валентиной Григорьевной... Они с моими родителями дружат.

– К ним. Я и раньше сюда приезжал, лет пять назад. Только в сороковой дом.. Сейчас никого и не видно...

– Тут это обычная история... перевели отца служить в другое место. И вся семья – за ним... Надолго к нам?

– Думаю, до сентября, – прикинул в уме Толстик.

– Нормально, – улыбнулся Васька, – Я тебя с нашими ребятами познакомлю. Классные пацаны. У тебя велик есть?

– Есть... Вернее, у дядьки выпрошу... У него полугоночный..., – с сомнением промямлил Генка, – Я ещё в футбол на воротах неплохо стою.

– Отлично, – искренне обрадовался новоявленный друг, – я тебя с собой возьму на тренировку детского «Химика». А может, и сыграть удастся... Скажем, что ты только что переехал... И ещё...

Тут он сделал загадочное лицо...

– Я тебя со своей девушкой познакомлю. Самая красивая в городке!

От этих слов Толстик переменился в лице. Стал похожим на спелый помидор.

Вскоре они разбежались по домам, договорившись вечером попинать на стадионе мяч.

Вскоре Котов познакомил Генку не только с друзьями, но и с той самой девушкой, которая покорила его с первого взгляда.

– Аня, – мелодично представилась она, когда они с новым другом пришли к ней в гости. Толстик не сводил глаз с красавицы, и ей это было приятно. Васька не ревновал: был уверен в собственной неотразимости.

Спустя пару дней Толстик рискнул навестись один.

– А где твой друг? – удивлённо спросила Аня, открыв дверь.

– Они с ребятами в город уехали, – не соврал Генка. Так было на самом деле.

– Ну, проходи..., – неуверенно впустила она его.

Они расположились в её комнате и около пяти минут сидели молча. Разговор не клеился. Генка словно язык проглотил от стеснения. Куда подевалась смелость, гнавшая его на тайное свидание?

– Ты стихи любишь? – вдруг нарушила молчание Анечка.

– Не очень, – честно признался Толстик, – Один раз попробовал написать... Белиберда получилась...

– А прочти, пожалуйста!

– Я только четыре строчки помню...

– Всё равно! Хоть четыре!

– Хорошо..., – напряг Генка память, – Твоё сердце – цветок моей жизни! В ночном небе сверкаешь звездой! Каждый день умираю от мысли – у тебя есть кто-то другой... Вот...

– А что... совсем даже неплохо. – мило улыбнулась девушка.

И тут он рассказал ей всё о себе, раскрыв такие тайны, о которых не рискнул бы рассказать и лучшему другу. Ничего в них позорного не было, но это были тайны, касающиеся первых мужских сомнений, вопросов...

Аня не опешила, не была сражена шоком. Только посмотрела внимательно ему в глаза и ответила со всей девичьей мудростью, имевшейся на то время.

Уходил домой Толстикова, словно летел на крыльях. Он не думал, что перед ним так быстро откроются перспективы романтического увлечения, и – плевать, что при этом он переходил дорогу новому приятелю. В любви – каждый сам за себя.

Вскоре он убедился в своей правоте. Васька сам оказался не из правильных моралистов.

Однажды вечером он ему предложил принять участие в заманчивой аванюре:

– Ген, недалеко есть – пионерский лагерь. Там, наверняка, классные девчонки есть. Мы завтра туда с ребятами на великах собрались. Ты с нами поедешь?

Генка помялся: неизвестно, даст ли дядька гоночный велосипед... Но и отказываться не хотелось.

– Знаешь, завтра транспорт будет занят..., – с грустью произнёс он.

– Мы чего-нибудь придумаем. В городке почти все на колёсах, – приободрил Котов, и Генка сдался.

На следующий день они впятером отправились в непростое путешествие через несколько населённых пунктов ловить за хвост юношескую мечту. По дороге никаких приключений не произошло, кроме того, что Генка чуть не свернул себе шею, рухнув в кювет. Отделался лёгким испугом. В пионерлагере их, естественно, никто не ждал: внутрь не пустили. Они побродили, побродили вокруг в поисках дырки в заборе, но так и не нашли её. Васька виновато молчал – ведь это он всех взбаламутил... Правда, никто, признавая его авторитет, и не решился высказать претензии. Несолоно хлебавши ребята вернулись назад уже затемно.

После неудавшейся поездки настроение у Толстикова испортилось. Утром он достал последнюю бутылку плодово-ягодного, оставшуюся после совместных возлияний с дядей, и «с горя» выпил около половины содержимого. Сразу потянуло на подвиги.

Семья Ани жила в соседнем подъезде и до её квартиры он добрался за 5 минут.

Когда Генка позвонил, она открыла ему сама.

– Что случилось? – спросила девушка, заметив его «необычное» состояние.

– Поговорить надо очень, – Толстикова попытался выглядеть важным и серьёзным.

– Ну, проходи, – неуверенно разрешила Аня, – скоро отец должен вернуться.

– Я недолго, – заверил Генка.

Он прошёл в её комнату и без разрешения уселся на диван.

– Что случилось? – повторила Аня вопрос более твёрдым голосом.

– Понимаешь... понимаешь... ты... мне очень понравилась....

Лицо Ани сделалось на мгновение каменным, но потом она взяла себя в руки и спокойно произнесла:

– Гена, ты выпил сегодня – вот несёшь всякую ерунду... По тебе заметно... Иди домой. Я не люблю выпивающих.

– Но я люблю тебя с тех пор, как увидел, – грохнул Генка решающей фразой, из-за которой, собственно, и пришёл, и сам в это поверил.

– Не смей меня, – рассмеялась Аня, – Ты знаешь, что мы дружим с Васькой, а тебя я знаю всего несколько дней. Милый мальчик... и всего-то... И не думай даже!

Генка попытался что-то возразить, но его «возлюбленная» встала, показывая всем своим гордым видом, что разговор окончен!

Он понуро вышел из квартиры, вернулся домой и погрузился в думы: городок стал ему противен.

Родственники восприняли его решение уехать с удивлением, но так и не добились толкового объяснения. С утра пораньше автобус местного значения уже вёз его в направлении вокзала.

5 ГЛАВА

ПЕРЕФИРИЙНОЕ УТРО И ЧЕЛОВЕК

Я ещё не вынырнуло бесшумно из-под покрывала ночи и меня ещё не разбудил состав, прибывающий в три часа на станцию Лосево. Сладко посапывая, развалившись на кронах деревьев, я передаю флюиды человеку из этого поезда, зачем-то выбравшему этот задрипанный полустанок для высадки. Мне уже сообщили, что это Гена Толстиков. Покопавшись старательно в памяти, нахожу о нём скудную информацию, помеченную далёким прошлым.

Итак, в то последнее, преармейское лето он всё-таки попал в Деревню. Добирался один. Туда ему билет купили, а на обратную дорогу наказали оставить из общей суммы – пятнадцати рублей, выделенных на пару недель отдыха. С собой, кроме повседневной одежды, он взял тренировочный костюм, в котором стоял в воротах во время дворовых футбольных матчей, бутсы, гетры, белые спортивные трусы, вратарские перчатки и настоящий мяч. В пути никаких происшествий не произошло, и ранним утром, чуть пьяный от лишённого вредных примесей воздуха, он постучался в прогнившую дверь покосившейся избы. Громко заскрежетала с той стороны щеколда, и через минуту на крыльцо выползла Ведьма. Её лицо, изрезанное вдоль и поперёк глубокими морщинами, изобразило подобие улыбки, а из широко раскрытого рта угрожающе торчала пара острых клыков.

– Геначка пряхал! – запричитала фальшиво она, – Чта стаишь, в избу прахади... Нябось устал с дарогя. Сичас малачка прянясу с прянякам.

Толстиков не захотел пряника, а от молока не отказался. Ведьма принялась его подробно расспрашивать про московское житьё-бытьё.

– Как там Валя с Федяй? Чта ня пряхали. Федя када пряхязжал – засегда тута памагал мне. А тяперя некаму...

Генка промолчал – не хотел вникать в их отношения, хотя краем уха и слышал о раздрае. Ему не терпелось, несмотря на раннее утро, отправиться по друзьям и в первую очередь к Мишке. Поэтому он залпом выпил оставшееся молоко и, невнятно ответив на Ведьмин вопрос «куда-а-а?», выскочил быстро на воздух из угнетающего плена затхлои избы.

Мишкин дом находился по соседству. Его мать, Тамару Алексеевну, крохотную женщину лет сорока, одетую в чисто деревенскую одежду – грубое платье и простые тапочки, он увидел, подойдя к калитке. Та хлопотала на дворе с утра пораньше.

– Ой, кой-га пожаловал к нам? – всплеснула она руками, когда Толстиков вошёл внутрь, – Генаааа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.